

Зелёные жнецы

Рассказ

Всю ночь не спал шахтёрский поселок, вслушиваясь в sireны горноспасательных машин. В сторону террикона поспешали бабы, встревоженные недоброй вестью. За подолы иных, стараясь не отстать за мамками, держалась ребятня. Когда в дверцы землянки застучала подруга, сорвалась с койки и убежала на шахту мама. Через какое-то время стук, но уже в окно, повторился, и тогда, оставив лежанку, засеменил к подъёмному стволу дед.

Так было всегда – исправно работало сарафанное радио, по тревоге собирая у клетьевого ствола толпу людей, в основном женщин. Толкаясь локтями, протискиваясь ближе к подъёму, встречали каждую клеть: не моего ли мужика подняли?

Той ночью горноспасатели выдавали на-гора шахтёров, отравленных угарным газом. В больницу увезли полсотни человек. Выжили все, кроме двоих. Виной трагедии стали мальчишки – с вечера наладились печь картошку на старом лесоспускном шурфу. В железной перемычке угли нашли лазейку, и жар ушёл на подземный горизонт. Ругая мальчишек и осушая передником слёзы, бабушка Нюся ворчала: «Зелено жнут!» Зелёными жнецами она называла всех шалопаев, а под сурдинку и своих внуков.

Когда я подрос, спросил у бабушки:

– А что такое зелёные жнецы?

Баба Нюся ответила:

– По мне, так все люди зелёные жнецы: и взрослые, и дети. Шалят, балуют, ошибаются. В нашей деревне, кто брал литовку и косил овёс молочной спелости, тот и был зелёным жнецом! Жать зелёнку – себе в убыток.

Вот такая простая философия.

Кагастроф в шахте и на-гора хватало с избытком. Буквально накануне тревожной ночи хозяйка с соседней улочки, проснувшись с рассветом и тихо хлопоча на кухне, принялась разжигать растопку в печи. Чиркнула спичкой – в ту же секунду прозвучал взрыв, разметав по дому спящих людей. В больнице обитатели ветхого

жилища и соседская девочка, оставшаяся в злополучную ночь у подружки, умерли от ожогов тела и дыхательных путей. Людей погубил метан, просочившийся из шахтной выработки.

На этот раз бабушка не ругалась, а только тихо плакала. Непонятно – кого было ругать? Шахта не жнёт зелены, только чёрный уголь на-гора выдаёт. Лишь земля дышит в округе невидимым газом-убийцей. Старый шахтёр дед Степашка, привычный к злокозням чёрного молоха, и тот изворчался:

– Изжабить бы их, опять похороны! – Очевидно, имея в виду начальство, обиженно ворчал: – Всю землю изрыли, дыр насверлили, а газ не спрашивает, он людей убивает!

Мы с братцем и наше мальчишеское воинство росли у подножия террикона, на так называемом горном отводе. Пробит ствол, рядом растёт пирамида породного отвала. Где шахта, там и посёлок: Нахаловка, Хитрый, Лесной... Строились из того, что удастся украсть с лесного склада, в лучшем случае выписать строевой лес законным путём в бухгалтерии шахты. Когда на нашу улочку долго не подвозили уголь, мальчишки с санками или тележками шли на террикон собирать на крутобых склонах справные сосновые чурочки и блестящие куски угля. Такое старательство таит в себе опасность: того и гляди попадешь под лавину породы, высыпаемой вагонеткой с вершины горы. Однажды террикон взорвался, сбросив к подножию многие тонны не успевшей перегореть породы. Засыпало картофельные огороды, но в этот раз никто не пострадал.

Переломы и ушибы здесь случались часто. Особенно у стариков, не успевавших убежать от лавины. В терриконе-вулкане годами сгорали осколки угля. Чадила и воняла гора, но по ночам перемигивалась всеми цветами палитры. Зрелище завораживало и немного пугало.

В нашем огороде кудрявилась роскошная берёза. В тени её кроны дышал прохладой шахты старый вентиляционный уклон, обращённый

своим квадратным зевом к грядкам, яблоням, ягодным кустам и к самой землянке. По уклону можно было спуститься в подземный город и там поискать родителей. Но гулять мальчишкам по подземному горизонту шахты никто бы не позволил. Да и как найти родителей в городе-шахте с разветвлённой сетью горных выработок, проложенных под посёлком и в его окрестностях? Когда мама, мастер-взрывник, и её товарищи палили лавы, сотрясая недра взрывами, в землянке на полках звенела посуда. Мальчишки, кто посмелей, спускались по мокрым ступенькам ходка максимум метров на двадцать. Дальше пугали чернота подземелья и холодная капель скровли уклона.

Отец рассказывал, что с мамой он в шахте и познакомился, прямо в добычном забое. В ту смену молодая запальщица зарядила шпуры, эвакуировала из лавы людей и дала звуковой сигнал котпалке угольного пласта. Глухой взрыв привычно ударил по ушным перепонкам. Заполняя пространство штрека, тягуче потекли по выработке клубы белого, едкого дыма. В этот самый момент забой обесточился, или, как говорят шахтёры, пропала напруга. Не успев проветрить лаву, дыхание вентиляции замерло. И зловеще повис вустье забоя туман прогретейшего взрыва.

Выкатившись из выработки в задымлённый штрек, запальщица потеряла сознание. На девушку случайно наткнулся молодой забойщик и вынес её на руках к свежей струе.

Придя в себя и увидев над собой чумазое лицо шахтёра, мастер-взрывник спросила:

– Ты кто?

В ответ услышала:

– Как ты себя чувствуешь?

Девушка с лицом пригожим, слегка припудренным угольной пылью, ответила, что чувствует себя лучше, только, дурёха, не успела включиться в самоспасатель. И строго добавила:

– Если не болтун, держи язык за зубами. Мужиков накажут, премии лишат. Вентилятор-то встал!

Забойщик поднял сумку с взрывчаткой, предложил проводить до ствола.

– Обойдусь, ступай в лаву.

Так и жили мои родные: из подземелья да в землянку. Тихими вечерами её обитатели, особенно бабушка, любили выбраться на свежий воздух.

Хороши вечера поздним августом. Огород убран, на грядках жухнет ботва, на берёзе золотятся первые прядки увядающей листвы. К болотным падам, прошитым тугой струной транссибирской магистрали, тянутся в небе плотные стаи уток, изредка подают голоса гуси, скрипуче чертят воздух лебеди. Дед Степашка ушёл на охоту, завтра бабушке чередить птицу. А пока вечер, тихо и покойно. Лишь тяжело дышит на станции усталый паровоз: уф-уф-уф.

Летят утки, до землянки доносятся глухие хлопки выстрелов. Утиная молодь встала на крыло, в вечерние зори даже бабушка слышит посвист

быстрых крыльев. Диким уткам, гусям-лебедям проще, им на любом болоте новоселье.

Уходя на долгие три года, благо не во флот, где любить просторы морей надо целую пятилетку, зять горевал, что не успел свить своё гнездо. Спасибо старикам, приютили молодую семью. Прощаясь на станции, тещь утешал:

– Не тужи, сынок. Служи, мы подождём. Охлопцах не печалься.

Внуки всегда на глазах. Целыми днями резвятся на улице. После обеда надобно поспать – и опять улица, детские забавы. Сидят в дедовой лодке, лепят танки из глины. Фотографии танка приходят из армии с письмами, а танковый экипаж зятя зовут в части инкубаторным, потому как отцы танкистов сложили головушки на войне.

На дню-то не по разу приходится отмывать огольцов, все подоконники уставлены танками. Знают ребята, что где-то на свете есть у них отец-танкист.

В тихие вечера, когда солнце немо садится в розовый закат, хоровод бабушкиных подружек собирается на лоснящейся от юбок и штанов тесовой завалинке. В обществе старушек баба Нюся охотно обсуждает дневные огрехи внуков. По всему получается, что мы с братцем самые что ни есть зелёные жнецы!

– Зелено жнут! – незлобиво жалуется подружкам бабушка.

– Жнут, – усевшись рядком, вторят соседки. – Давеча забрались на Сидоров стог, катаются в удовольствие. А ежели вилы в мягко место? Вот отец-то возвратнётся!

– Зелено жнут, – вздыхает бабушка. – Нынче прибегают старшой и орёт. Кабы денежку в кубышке нашёл, а то у него пузо в мурашах. Они кушают, а он орёт. В клубном саду в войну играли, так солдаты мой за муравейником схоронился.

– А мой-то чё учудил! – вторит подружке баба Лена. – Проглазел козу Дашку, а рогатая возьми да в смолье увязни. Супостаты, тюки смолья на землю разгрузили, оне на солнце и растопли. Насилу ослобонили пленных. Козу и парнишку из смолья вытянули, да ведь новые тапки утопли, неделю не носил!

– Надьсы и я страху натерпелась, – прикладываясь к табакерке, мягко, словно пряжу прядёт, продолжает разговор баба Нюся. – Упросила деда голову петуху срубить. Старый махнул топором и руками развёл. А безголовый по улке, да в клубный сад. Витьша настиг, тащит за ногу. Рубаха в лохмотьях, сам в крови и тенётах. Матушки святые, чья тута кровь! Отмыла в корыте, тажно тока успокоилась.

Татарка Фая, крикливая, с фронтовой отметиной, багровым шрамом врзлёт над бровью, не сдержала врождённого любопытства:

– А петуха-то, Аннушка, в честь какого праздника казнила?

Бабушка Нюся чихнула, утёрла нос фартуком, облегающим круглый живот:

– С моими жнецами всякий день праздник: чисто жнут, когда из печи подают!

Мама занята работой, бабушка хлопочет по хозяйству. Мы тоже заняты, свободного времени у нас нет. Однажды без спроса ушли в светлую даль, за картофельные наделы. Степь выстлана шёлком травы, напитана запахом цветов, дышит тёплым ветром. В болотце с мягкой, прозрачной водой наловили занятных головастиков. Воду из банки, кишашей лягушатами, вылили в дядин аквариум. Если в нём плавают красные меченосцы и полосатые барбусы, дядя Толя будет безмерно рад и маленьким лягушкам. Бабушка смеялась, потом ворчала, но главный её приговор был тот же: «Зелёные жнецы!»

К Новому году ждём отца. Накануне, вернувшись из деревни, дед Степашка занёс в жилище холодную с мороза ёлочку. Предстояло разукрасить пахнувшее хвоей чудо, чем и занялось в канун праздника наше егозистое племя. Ёлку наряжаем с участием тети Любы, школьницы-семиклассницы, дочери бабушки. Ещё одна дочка Нина со мной одного возраста, и мы растём как брат с сестрой. Компанию дополняют братишка Володя и соседская девочка Марийка. Взрослый дядя Толя, ожидающий весеннего призыва на срочную службу, держится особняком. Пригревшись на койке в сладкой дрёме, неумолчно говорящий Шалтай-болтай сегодня на удивление молчалив и грустен.

За стенами землянки потрескивает мороз, в печи жарко горит уголь, доставленный лошадкой в санном возке-грабарке. Дружной ватагой мы перетаскали его в ларь. В ожидании праздника все копошимся у ёлки, навешивая на колкие лапки довоенные игрушки. Их бережно хранит бабушка, пряча в сундуке, обклеенном портретами царей и генсеков. Нам нравится ряженая лесная гостя, но тут поднялся с лежанки дремлющий дядюшка Толя. Сладко потянувшись, он осматривает ёлку и со скрытым лукавством говорит:

– Красивая ёлка, а вот чего на ней недостаёт, так это жуланчиков-плакунчиков.

– Какие такие жуланчики? – дружно спрашиваем мы.

Дядя Толя, воспользовавшись отсутствием взрослых, входит в раж. Он преображается, пучит глаза и таинственно шепчет, словно выдает великую тайну:

– Разные! Красные, синие, зелёные, жёлтые – жуланчики-плакунчики!

Метнувшись к низкому оконцу, протёр в морозном узоре дырку и нацелился взглядом в огород.

– Отсюда не видать, – произнёс досадливо. – А вот кто босиком обежит барак, тот обязательно увидит жуланчиков-плакунчиков. Синих, зелёных, жёлтых, красных. Сами в руки прилетят!

Земляной барак, скроенный из пяти долей, вросших по самые оконца в землю, с крылечками и ступеньками вниз, ограничен двумя переулками. Своего рода квадратно-земляная крепость за заборчиками разных калибров. Снегопад успокоился под утро, улица в снежных

перемётках. Метелица кружит хороводом пушистый снег.

Кто не побежит за красивой мечтой, за волшебной сказкой, за цветными жуланчиками, в пятилетнем возрасте босиком по снегу? И я побежал: без валенок, в коротких штанишках, в лёгкой рубашонке. Вокруг барака, по глубокому снегу, вонзаясь в ледяное дыхание позёмки. Бежал, обжигая ноги, широко открывая глаза, чтобы не пропустить чудо. Бежал, с ужасом понимая, что зимушка-зима не только добрая, но и злая. Где вы, жуланчики-плакунчики, волшебные птицы?

Завершая круг стремительного бега, понял, что Шалтай-болтай обманул, просто пошутил, и слёзы сами брызнули из глаз. Вбежав в землянку, стремглав вскочил на тёплую постель и дал волю слезам. Следом захныкали братец и девочки. Дядя смотрел на плачущих детей, скрёб в затылке и, пряча улыбку, бормотал:

– Жуланчиков нет, а плакунчиков слишком много?

Бабушка, понюхав табачок и почесав язычок с соседкой, немкой Марусей, почуяла неладное и вернулась под свою крышу: надо успокоить ребяtiny и задать перца дяде Толе:

– Какой из тебя солдат, ты сам ещё зелёный жнец! – почём зря хлобучила она дядьку. Досталось и няне Любаше: – А ты куда смотрела, восстигалка? Через стенку бузню вашу слышу!

Пришёл новый день. Шалтай-болтай поставил в огороде ловушку и, развесив в клетке кусочки сала, сказал:

– Прилетят жуланчики, будут сало жулить!

Прилетали птицы-синицы, вскакивали на жёрдочки, клевали сало, и за ними, сказочно красивыми, затворялась дверца. Мы выпускали их на волю, хлопали в ладоши и смеялись. Дядя сказал:

– Хорошо, что летают жуланчики и не плачут плакунчики!

Мы ждали отца, ждали долго и терпеливо. И этот день пришёл! Напротив оконца за высоким сугробом вырос человек, припорошенный снегом. Он постоял у калитки, окинул взглядом заметённую под крышу землянку. Подняв с крылечка веник, смёл с одежды и сапог снежную шугу. И только тогда, распахнув низкую дверь, шагнул через порог землянки в облаке морозного пара, в серой солдатской шинели, в шапке-ушанке со звёздочкой. Плечи оттягивал вещевого мешок. Отыскав глазами прильнувших к юбке жены сыновей, протянул им железные ладони, по-военному сказал:

– Здравия желаю, зелёные жнецы!

– Жнут, Миша, зелено жнут твои хлопцы, – охотно откликнулась сияющая ярче ёлки теща. Прильнув к груди зятя, прошептала:

– Вернулся, солдатик!

Вдох бабушки прозвучал как похвала командира на солдатском плацу.

Не Дед Мороз пришёл в гости к нам, а родной человек, которого очень долго ждали. И пришёл

совсем-насовсем! Два брата, два зелёных жнеца дождались отца!

Сняв шапку и скинув шинель, отец прошёл в горницу, пристально всматриваясь в многослойную, к его приезду свежую побелку стен, в старые репродукции, пожелтевшие фотографии, в сияющие глянец снимки, присланные им из армии. Осторожно и нежно тискал нас с братцем, поднимал под притолоку с вбитым в неё крюком, на котором до ухода на службу висела сплетённая тестем зыбка.

Всех обнял, расцеловал, вывалил из вещевого мешка подарки, не догадываясь, что главным новогодним подарком стал сам. Подойдя к оконцу, растопил ладонями морозные кружева на стекле.

Мёртвое поле

Рассказ

Допустив ошибку в расчётах, я залпом гаубичной батареи уничтожил мост, обозначенный на местности мини-полигона. Согласно легенде занятий, мост через речку стоял в полосе нашего наступления.

– Всё, – в сердцах прорычал комбат, старший лейтенант Карпенко, – танковая колонна по мосту не пройдёт. Наступление захлебнулось! Двойка тебе, курсант, а в военное время был бы трибунал. Заруби на носу: за такую стрельбу – трибунал и расстрел!

Морозной осенью учебная батарея прибыла на полигон, лежавший в сопках, запелёных дубовой порослью. Замаскировав в капонирах пушки, огневики изготовились к стрельбе. Разложив на бруствере окопа рабочие планшеты, разведчики прильнули к окулярам. Стрельба танкистов, зенитчиков, артиллеристов шла в плотном графике. Полигон оглох от выстрелов. Ополченцам, приписанным к подразделениям, пришлось заново осваивать навыки стрельбы, вспоминать забытый гул канонады.

Учебной батарее оптической разведки придали двух старых артиллеристов. Один, шутник и балагур по имени Алексей Кузьмич, на фронте потерял ступню.

Стреляем без спешки и суеты, на границе затишья. И крепчает морозец.

– И нас ближе к орудьям, закон дали! – с полуборота завёлся словоохотливый старик. – В такую погоду, коли командир позволяет, можно и у костра погреться. Как, ребята, не возражаете?

С разрешения командира взвода ветеран разложил костерок. На протезе резво скачет вокруг огня, греется. Топают ногами, машет руками, хлопает по языкам пламени – ну, чисто шаман в огненном танце. Как и положено бывалому солдату, наставляет курсантов:

– В ваших расчётах ничего не понимаю, давно формулы забыл. А стрельбу завсегда налажу. Бить врага – в узкую вилку брать, закон дали!

О каком законе толкует Алексей Кузьмич? Старик пояснил:

– Привычка такая, как по-книжному-то: «Законы, может быть, и святы, да исполнители – лихие супостаты!»

Отыскав в огороде украшенную инеем берёзу, впился взглядом в створ шахтного уклона.

Он светился рядом с нашей белокорой, чернобровой красавицей, очерченный серебряным окладом куржака. Пропадая на озёрах, не поймал дедушка золотую рыбку, не попросил поменять нашу землянку на избу со светёлкой и тесовыми воротами. Створ уклона всегда на виду, но, посмотрев в оконце глазами отца, мы увидели искрящиеся на солнце ворота, ведущие в загадочный мир подземного царства.

Горячо обняв маму, отец сказал:

– Дышит, кормилица! Теплом дышит! Углём дышит! Проводим старый, встретим Новый год, и пора на шахту.

Умолк раскат далёкого взрыва. После первых ударов тяжёлых орудий Алексей Кузьмич ёжится, но возбуждённый стрельбой, решительно не может молчать:

– Анекдот вспомнил, в окопе Сталинграда слышал, закон дали.

У курсантов ушки на макушке. Греясь над углями костра, слушают:

– Два солдата несут пост у дома генерала. Глянь – его дочка в окне. Один другому говорит: «Такую красу полюбить, всю бы жизнь служил!» А генерал мимо идёт, слышит. Приглашает в апартаменты. Спрашивает дочь: «Пойдёшь замуж за солдата?» Девица брезгует. «Шаг вперёд, товарищ лейтенант!» Растёт солдат в звании – а дочка хмыкает. «А за полковника?» Повела бровью. А солдат: «Сдалась мне ваша дочка, товарищ генерал. Ещё шаг – я и сам генералом стану».

Общий смех.

– Там, под Сталинградом-то, команды «к бою» ждали, да вскорости окоп миной накрыло. Бой-ца, рассказчика, убило, меня в санбат, потом в госпиталь, там и того дальше, домой. Не успели мы с тем товарищем генералами-то стать.

Курсанты спрятали улыбки.

– А стрелять, сынки, надо метко, – тревожа хворостинной уголья костра, сменил тему старый солдат. – Снаряд выточен рабочими руками, цена ему пара хромовых сапог! Так в батальоне замполит сказывал. Земля ему пухом, закон дали.

Весеннее тепло ручьями утекло в жаркое и влажное лето. Батарея обживает знакомую местность. С холмистых дубрав сняли жёлтобурую маскировочную сеть и заново накрыли, но уже ярко-зелёной. Прильнув к окулярам буссоли, запоминаю сектора обстрела, вычерчиваю схемы ориентиров, вычисляю дирекционные углы. Земля усеяна осколками мин и снарядов. Железный лом маскируют островки цветущих ландышей...

Расстреливая днями кряду огурцы, так называли подлежащие утилизации снаряды, услышали экстренное сообщение ТАСС. Горькое известие

прозвучало из лежавшего на бруствере окопа транзитного приёмника: «30 июня 1971 года погибли космонавты Волков, Пацаев, Добровольский...»

Батарея на огневой позиции, в наушниках слышу приказ комбата:

– Давай залпом, из шести орудий! По одному залпу в честь каждого космонавта!

Сектор удобный: на горизонте темнеют бугристые холмики в обрамлении выкошенного осколками светлого древостоя. И только в последний момент, успев передать батарею команду, я увидел в линзе буссоли чёрный зрачок лисьей норы. Разглядел лисицу с выводком, резвящаяся на солнечном взгорке. Облюбовала кума затишок, куда давно не ложились снаряды, без прописки занорилась там, где не положено. Но уже злыми шершнями прошуршали над головой стальные болванки. Один снаряд издавал звук, похожий на глухой визг обиженной свиньи. На линии огня выросли бурые кусты. Горизонт прояснился не сразу: когда села земля и развеялся дым, ни бугорка с норой, ни лисьего семейства я не увидел. И, оторвавшись от окуляров, сверлил меня осуждающим взглядом дальномерщик Иван Шоктар.

До окончания стрельб угрюмый тувинец был молчалив и мрачен. А я просто опешил, не успев скорректировать стрельбу и даже посочувствовать нечаянным жертвам. Получился снайперский выстрел, когда снаряд попадает прямо в амбразуру укрепления неприятеля. На фронте за такой выстрел орден бы дали. Я же за расстрел лисьего семейства был согласен на любое наказание.

Продолжить дружбу с Иваном помог добрый казус. После окончания учебки нас оставили в одной дивизии, в одном полку. И что совсем здорово, в одной гаубичной батарее! Должности командира огневого расчёта мой друг предпочёл службу в отделении оптической разведки, но и здесь не изменил армейской профессии. Таскать на маршах, по глубокому снегу и сезонному бездорожью прибор весом в полцентнера Ивану было не в тягость. На широких плечах друга громоздкий чехол с оптикой казался игрушкой. Имея орлиный глаз и мощные окуляры, Ваня безошибочно определял расстояния до целей. Таёжный человек, он добр, покладист, невозмутимо спокоен. Но однажды, на летних дивизионных учениях, чуть было не подвёл нашу гаубичную батарею.

Иван любил собак и, уходя на службу, оставил дома верного пса по кличке Казар. Вместо фотографии девушки носил на груди, в кармочке комсомольского билета, снимок четвероногого друга. Показывал мордашку лайки товарищам-батарейцам, рассказывал о таёжных вылазках, увлекательных охотах, добычливом промысле зверя в компании с Казаром.

Никто не удивился, когда в полку Иван прикормил беспризорную овчарку. Статный, но неухоженный пёс взял с ладони кусочек хлеба и на кличку Казар отозвался дружелюбным помахива-

нием хвоста. Разведчик привязался к собаке, да так крепко, что в дни нарядов брал с собой на посты. Начальники караулов к тому привыкли, внимания на нарушение устава не обращали. В палаточном лагере, на полевых занятиях, в окопе наблюдательного пункта, на речке в редкие часы отдыха Иван с собакой были неразлучны. Пёс и спал бы в зимней казарме под кроватью разведчика, если бы позволял строгий старшина. А запретить спать в летнем лагере, в палатке разведчиков, не в силах и старшина.

В летнюю пору, днём ясным и знойным колонна полковой техники вытянулась в направлении полигона. Водители тягачей заправили баки, пушкари прицепили гаубицы, разведчики погрузили амуницию, приборы, походный скарб, а Иван всё метался по закоулкам полка, звал Казара.

В военном городке собачий лай поутих накануне учений. По неведомой причине исчезли все полковые псы. В пути Ваня молчал, много курил, не замечая тряской дороги, палящего солнца. Когда встали лагерем, ушёл в сопки и долго не возвращался.

Пока огневики окапывались и маскировались, разведчики выдвинулись вглубь полигона, заняли укромное место на склоне кудрявой сопки и двое суток вели наблюдение за передним краем противника. Окопы НП были отрыты до нас, и шанцевый инструмент до времени оставался в чехлах. Донимали жара и мокрец, нудная, жалящая злее крапивы мошка, проникающая в складки камуфляжной униформы, до горячих тел.

Засекли и нанесли на схемы ориентиров огневые точки, искусно замаскированные неприятелем на склоне дальней сопки. Её заросший дубняком хребет, темневший за широкой ярко-зелёной ложиной, изучали днём и ночью. Передний край сверлили острыми линзами без лишнего перекуров. К исходу вторых суток у подножия сопки сел вертолёт. В окулярах бинокля обозначилась фигура командира, поднимающегося по склону. Судя по звёздам на погонах – генерал!

Встретили по всей форме. После рапорта и команды «вольно» начальник штаба дивизии, генерал-майор Мамишев, охладив нас колким взглядом, приступил к изучению разведанных. Результаты двухсуточного бдения изучал утомительно долго. Или так показалось? Расчёты, склоняясь над буссолью, сверял с собственным визуальным осмотром местности. Прильнув к окулярам дальномера, сравнивал расстояния до разведанных целей.

Солнце зацепилось за вершину далёкой сопки: угасал утомительный день, а с наших лиц ручьями стекал горячий пот. Наконец, остановив командирский взгляд на усталых разведчиках, генерал по-отечески тепло сказал:

– Спасибо, сынки. С задачей справились отлично!

Следом были загадочная пауза и улыбка, осветившая суровое лицо генерала:

– Ав отпуск домой не желаете?

Едва не потеряв дар речи, не веря ушам своим, я ответил за всё отделение:

– Так точно, товарищ генерал, желаем!

В напряжённой тишине, объявшей скрытый в зелёной сопке окоп, прозвучала команда начштаба дивизии:

– Смирно! За образцовое выполнение боевой задачи личному составу отделения оптической разведки объявляю краткосрочный отпуск на родину!

В приморских сопках, дробясь после каждого слова, раскатисто прозвучало бархатно-мягкое эхо:

– Служим Советскому Союзу!

То, что произошло, случается разве что во сне. Нас, разведчиков, генерал наградил отпуском! Недаром ругал меня в школе комбат, когда на учебных стрельбах мини-полигона я разрушил свой мост и сорвал планы наступления.

Одарив оглушённых неслыханной благостью ребят крепким рукопожатием, поблагодарив за службу, генерал, удерживаясь за кусты орешника, столь же неспешно, как поднимался, стал спускаться к вертолёту. Винтокрылая машина взлетела, исчезла за склоном сопки, как её и не было. А мы, загоревшие под жгучим солнцем, с опухшими от укусов мокреца лицами, изрядно уставшие и ко всему потрясённые щедрым посулом генерала, остались со своей радостью одни-одинёшеньки.

Перед палаточным лагерем, удобно вписавшимся в холмистый рельеф местности, поставили стеклянные ящики, похожие на большие аквариумы. В один просторный короб опустили дворняжку, плотно задраили крышку и открыли баллон с невидимым газом. Собака, копия космических Белки и Стрелки, сотрясаясь в судорогах, на глазах затихла. Отправили не в космос, а на тот свет. Увидев жестокую картину, Иван почернел лицом, глаза потемнели, на смуглых скулах забегали желваки.

Околевшую собаку вытянули из ёмкости, оттащили в сторону. Проветрив стеклянную усыпальницу, опустили на дно вторую симпатичную дворнягу. Пёсик из прозрачной, раскалённой на солнце гробницы смотрел на унылое воинство стоскливой безысходностью.

Опыт повторили. Вытянув из аквариума сотрясаемое судорогами животное, химики положили дворняжку на траву, ввели в тело антидот, сделали искусственное дыхание. Собачка ожила, тяжело поднялась на четыре конечности, с усилием подтаскивая парализованную ногу. Прозвучал пистолетный выстрел – офицер химической службы прервал мучения животного.

Предельно ясно изложили строгую инструкцию. Солдатам, сержантам, офицерам – всем участникам учений выдан шприц-тюбик с антидотом. Хранить его следует в кармане химзащиты, не терять и не разбивать. Если кто-нибудь на заражённой территории хлебнёт глоток газа, надо вонзить иглу в своё тело или тело товарища и затем радоваться воскрешению!

Обласканные миром космические собачки вернулись домой живыми, а наши четвероногие

друзья умерли безымянными. Никто, кроме предавших их хозяев, не знал кличек подопытных собак. Сын Кавказских гор, лучший разведчик отделения Саид Селим Кадиев мрачно пошутил:

– Если как с собачками, настоже пристрелят?

Нешадно палит солнце. Тела солдат, одетые в глухую химзащиту, варятся в собственном поту. И только когда военный люд окончательно изнемог, в небо вонзилась сигнальная ракета. Танкисты, зенитчики, пехотинцы жарятся под бронёй грозных машин. Сидя в открытых кузовах, разведчики сочувствуют братьям по оружию: в череве грозных машин суший ад.

Наконец полковая колонна въехала в зловещий распадок. На чёрном поле увидели изрядное число разномастных псов. Собаки рвались с привязи, громко лаяли, лежали бездыханные, бились в конвульсиях. Иные, запрокинув головы, выли по-волчьи, чуя близкую гибель. Химики вбили в землю трубы с кольцами и замкнули карабины на ошейниках собак. Сработали надёжно, уссурийский тигр на волю не убежит.

Только Иван по-охотничьи острым, а сейчас донельзя свирепым взглядом усмотрел в сонме обречённых животных любимого Казара. Пёс лаял на лязгающую и воняющую колонну, словно звал к помощи и состраданию. В следующее мгновение солдат перебросил мощное тело через борт машины, по-медвежьи прытко побежал к погибающему другу. В сковавшей тело и дыхание химзащите махом преодолел смертельно опасную дистанцию, ловко разомкнул карабин на ошейнике. Ввалив грузное животное на широкие плечи, вернулся к колонне.

Сбросив оцепенение, мы приняли Казара в протянутые руки. Разведчик, кажется, не пострадал, а из пасти пса ключьями спадала пена. Ваня выхватил из кармана шприц-тюбик, вонзил иглу в тело собаки, сделал ослабевшему питомцу искусственное дыхание.

Было очевидно, что скрыть поступок Ивана вряд ли удастся. Пришлось останавливаться, за нами встали тыловые службы, полевые кухни, медицина и прочие. Неожиданная остановка полковой колонны напомнила пробку на улицах мегаполиса. За эту пробку в первую очередь ответит командир взвода.

Достав фляжки, мы поили Казара водой, трепали по шерсти, дёргали за лапы, тормошили за хвост, холку, уши. пытаясь привести в чувство, снова лили воду в горячую пасть. Пес открыл мутные глаза, облизал ладони Ивана, в нём затеплилась жизнь. Он снова лизнул руки спасителя, заёрзал по плащ-палатке, пытаясь подняться на лапы. Жалобно скуля, проявлял явное желание жить, дружить, продолжать службу.

Казалось, ни громкого подвига, ни дерзкого преступления Иван не совершил. Так поступком или проступком назовут командиры спасение Казара? О происшествии на дороге узнает командир полка, а то и выше. Никому не поздоровится! Но мыслимо ли бросать своих в отравленном поле?

Избежать широкой огласки ЧП помогло другое трагическое происшествие. Полковая колонна, миновав мёртвое поле, превратившееся в кладбище уссурийских собак, неожиданно застопорила ход. Поднеся бинокль к глазам, я увидел, как по немыслимой крутизне, напоминающая цепкого жука, к вершине сопки ползёт БМП. И вдруг, коротко постояв, братская могила пехоты, как шутят солдаты, резко сорвалась с места, устремилась вниз. До слуха донёсся звук удара, скрежет металла.

В изнурительной жаре механик-водитель получил солнечный удар. Теряя сознание, но помня о десанте за спиной, парень продолжил движение не в сторону крутого склона, где обязательно бы опрокинул машину, а к подножию сопки. Потеряв управление, ослепшая БМП неожиданно атаковала её вершину. После ската к подножию и могучего тарана в голову колонны можно было не сомневаться: учения для ребят

окончились досрочно и в высшей степени трагично...

Пока Иван отсиживал на гауптвахте пять суток, Казар стал любимцем всей гаубичной батареи. У пса появился персональный котелок, куда солдаты не скупились подкладывать кусочки провианта и мясные кости. Старшина Скиба разрешил Казару спать под кроватью разведчика.

Комвзвода Леонид Оранчук был строг, но справедлив. В условиях полевых учений он настоял на проведении экстренного комсомольского собрания. Речь шла о дисциплине, выполнении боевой задачи, соблюдении воинского долга. Разведчик Шоктар свой долг выполнил.

Не поминай лихом, Иван, не обижайся на друга-командира. Голосуя за объявление тебе строгого выговора, я, ваш комсорг, первым поднял руку. Но и в генеральский отпуск на родину мы проводили тебя первым.